

АРАЛЬСКИЙ КРИЗИС В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ АКТОРОВ

Научная статья

К.П. Курылев

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
E-mail: kurylev-kp@rudn.ru*

Статья представляет собой комплексный многоуровневый анализ Аральского кризиса как устойчивого элемента системы международных отношений. Исследование охватывает генезис катастрофы, связанный с технократическими амбициями советской эпохи, и детально рассматривает эволюцию самостоятельных, часто противоречивых стратегий адаптации 5 государств Центральной Азии в постсоветский период. Показано, как национальные приоритеты (водная безопасность, энергетика, социальная стабилизация) определили рамки для ограниченного регионального сотрудничества в рамках Международного фонда спасения Арала (МФСА). Особое внимание уделено роли и мотивациям внешних акторов – международных организаций (ООН, Всемирный банк) и ключевых государств (США, ЕС, Китай, Россия), чья помощь и политика формируются под влиянием их геополитических и экономических интересов. Автор приходит к выводу, что кризис трансформировался из экологической проблемы в постоянный фактор политической повестки, породив гибридную систему управления, в которой доминируют суверенные национальные стратегии. Ограниченная региональная кооперация служит инструментом для решения тактических задач, а международная поддержка селективно привлекается для усиления отдельных направлений. Работа основана на междисциплинарном подходе, сочетающем методы политического анализа, институционального и сравнительного исследования, что позволяет выявить системные противоречия между трансграничным характером экосистемы и логикой суверенного управления ресурсами.

Ключевые слова: *Аральское море, экологическая катастрофа, страны Центральной Азии, региональное сотрудничество, МФСА, международные организации, внешняя политика, водные ресурсы, адаптация.*

Для цитирования: *Курылев К.П. Аральский кризис в системе международных отношений: взаимодействие национальных, региональных и глобальных акторов // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 192–202.*

THE ARAL SEA CRISIS IN THE INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM: INTERACTION OF NATIONAL, REGIONAL AND GLOBAL ACTORS

Research article

K.P. Kurylev

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation
E-mail: kurylev-kp@rudn.ru*

The article provides a comprehensive multi-level analysis of the Aral Sea crisis as a persistent element of the international relations system. The study covers the genesis of the disaster linked to the technocratic ambitions of the Soviet era and examines in detail the evolution of independent,

often contradictory adaptation strategies of the 5 Central Asian states in the post-Soviet period. It demonstrates how national priorities (water security, energy, social stabilization) set the framework for limited regional cooperation within the International Fund for Saving the Aral Sea (IFAS). Particular attention is paid to the role and motivations of external actors – international organizations (UN, World Bank) and key states (USA, EU, China, Russia), whose assistance and policies are shaped by their geopolitical and economic interests. The author concludes that the crisis has transformed from an environmental problem into a permanent factor of the political agenda, giving rise to a hybrid management system dominated by sovereign national strategies. Limited regional cooperation serves as a tool for solving tactical tasks, while international support is selectively attracted to strengthen specific areas. The work is based on an interdisciplinary approach combining methods of political analysis, institutional and comparative research, which reveals systemic contradictions between the transboundary nature of the ecosystem and the logic of sovereign resource management.

Key words: *Aral Sea, environmental disaster, Central Asian countries, regional cooperation, IFAS, international organizations, foreign policy, water resources, adaptation.*

For citation: *Kurylev K.P. The Aral Sea Crisis in the International Relations System: Interaction of National, Regional and Global Actors // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 2. P. 192–202. (In Russ.)*

Введение. Актуальность темы обусловлена комплексным характером Аральского кризиса, который представляет собой уникальный пример взаимодействия и зачастую противоречия между национальными, региональными и глобальными уровнями управления в решении масштабной экологической проблемы. Исследование исключительно региональных усилий или, наоборот, международного вмешательства дает фрагментарную картину. Актуальным является именно комплексный анализ, позволяющий оценить, как стратегии отдельных стран Центральной Азии, их ограниченное сотрудничество на региональном уровне и разнонаправленные интересы внешних государств и организаций формируют современную конфигурацию политики адаптации к необратимым изменениям. Эта тема выходит за рамки экологии, затрагивая вопросы водной и продовольственной безопасности, геополитики, моделей развития и эффективности многосторонней дипломатии в условиях трансграничных вызовов.

Цель исследования – провести сравнительный и системный анализ подходов, стратегий и конкретных действий всех ключевых акторов, вовлеченных в смягчение последствий Аральской катастрофы: отдельных государств Центральной Азии, региональных институтов сотрудничества,

а также международных организаций и внешних государств, выявив взаимосвязи, противоречия и синергию между их усилиями.

Методология исследования основана на комплексном и междисциплинарном подходе, сочетающих методы политического анализа, экономической географии и международных отношений. Для реализации поставленных задач применяются сравнительный анализ национальных стратегий и программ развития приаральских регионов, а также политики внешних доноров; институциональный анализ для изучения структуры, мандатов и эффективности региональных (МФСА) и международных организаций; метод анализа конкретных ситуаций (*case study*) для детального рассмотрения наиболее показательных инфраструктурных, природоохранных и гуманитарных проектов; системный подход, позволяющий рассматривать деятельность всех акторов не изолированно, а как элементы единой, хотя и противоречивой, системы управления трансграничным кризисом.

Историографический обзор проблемы Аральского моря. Проблема Аральского моря представляет собой один из наиболее масштабных антропогенно-обусловленных экологических кризисов второй половины XX – начала XXI в. За несколько

десятилетий некогда четвертое по величине озеро мира превратилось в мозаику мелко-водных водоемов и обширных солончаков, что повлекло за собой каскад экологических, социально-экономических и геополитических последствий для всего региона Центральной Азии. Многогранность проблемы предопределила междисциплинарный характер научных исследований – от историко-географических реконструкций до поиска международно-правовых механизмов сотрудничества.

Исторически Аральское море испытывало естественные колебания уровня воды, однако кардинальное изменение гидрологического режима началось в 1960-х гг., когда масштабное водозаборное орошение хлопковых полей привело к резкому сокращению притока вод Сырдарьи и Амударьи. Уже к концу XX в. море распалось на отдельные водоемы, а его площадь сократилась на 70% и более. Эти процессы стали предметом пристального изучения ученых, чьи работы позволяют проследить эволюцию научного осмысления кризиса и поиск путей его преодоления.

На начальном этапе исследований (1990–2000-е гг.) акцент делался на диагностике причин и последствий катастрофы. Так, в работе Гланца и Зонна детально проанализированы экологические последствия деградации, подчеркивается необратимость изменений ландшафтов, биоразнообразия и климата региона. Авторы показывают, как обмеление породило цепь вторичных эффектов – от пыльных бурь с токсичными солями до ухудшения здоровья местного населения [Гланц, Зонн, 2014: 141–156].

Сходные выводы содержатся в исследовании Рузикуловой, где на примере Ферганской долины продемонстрировано, как аграрная политика 1950–1960-х гг. ускорила обмеление моря, нарушив естественный баланс водопотребления [Рузикулова, 2018: 9–12].

Параллельно ученые обратились к историко-географическому контексту, стремясь понять долгосрочные тенденции водопользования.

Закирова реконструирует роль Туркестанского отдела Русского географического общества в разработке водохозяйственных

проектов XIX–XX вв., показывая, что уже тогда закладывались предпосылки будущих проблем [Закирова, 2022: 100–114].

Таиров предлагает хронологическую сводку гидрологических изменений, служащую опорной точкой для оценки скорости и масштабов деградации [Таиров, 2023: 12–23].

Даже исследования, казалось бы, отдаленно связанные с темой (например, работа Скрипкина о Великом Шелковом пути), помогают увидеть, как многовековая антропогенная нагрузка формировала современный экологический контекст [Скрипкин, 2017: 6–14].

По мере углубления понимания экологических последствий ученые перешли к поиску сценариев восстановления.

Зонн и Шамсутдинов рассматривают возможные пути реставрации моря, опираясь на гидрологические и климатические модели. Их работа демонстрирует, что даже частичное восстановление требует комплексного учета природных и антропогенных факторов [Зонн, Шамсутдинов 2024: 52–60].

Матжанов фокусируется на биологическом аспекте, изучая, как кризис повлиял на высшие водные растения, что позволяет оценить глубину трансформации экосистем [Матжанов, 2023: 11–16].

Осознание трансграничного характера проблемы стимулировало исследования в области международного права и дипломатии.

Гулимов анализирует пробелы в нормативно-правовой базе, предлагая пути гармонизации национальных законодательств для совместного управления водными ресурсами [Гулимов, 2022: 117–127].

Зиганшина исследует взаимодействие международного и национального права в оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС), подчеркивая необходимость единых стандартов и процедур согласования между странами бассейна [Зиганшина, 2018: 1–24].

Омарова показывает, как водная дипломатия Туркменистана может способствовать устойчивому развитию региона, демонстрируя, что двусторонние и многосторонние переговоры способны смягчить воддефицит [Омарова, 2022].

В последние годы фокус исследований смещается в сторону практических решений и адаптации.

Боришполец сравнивает потенциал региональных организаций (ЕврАзЭС и ШОС) в координации водопользования, аргументируя, что они могут стать платформами для предотвращения конфликтов [Боришполец, 2011: 31–37].

Аватков и Рожкова анализируют внешнюю политику Узбекистана, показывая, как национальные стратегии учитывают трансграничные экологические вызовы [Аватков, Рожкова, 2022: 825–834].

Ильичев, Павлов и Курылев настаивают на комплексном подходе, сочетающем технологические и политические меры для преодоления водного кризиса [Ильичев, Павлов, Курылев, 2021: 119–126].

Практические пути решения обсуждаются в работах Пулатова, предлагающего модернизацию ирригационных систем и перераспределение водных потоков [Пулатов, 2021: 83–91], и Нургелдиевой, изучающей проекты по восстановлению экосистем и адаптации населения к климатическим изменениям [Нургелдиева, 2024: 187–194].

Сукманова обращает внимание на роль информационного поля, анализируя, как СМИ и научные публикации формируют общественное восприятие кризиса и влияют на принятие решений [Сукманова, 2022: 53–56].

Таким образом, историография проблемы Аральского моря демонстрирует эволюцию от констатации катастрофы к поиску системных решений. На первом этапе доминировали работы, диагностирующие причины и последствия обмеления [Гланц, Зонн, 2014; Рузикулова, 2018], затем последовали исследования, посвященные правовым и дипломатическим механизмам сотрудничества [Гулимов, 2022; Зиганшина, 2018; Омарова, 2022], а современные публикации все чаще предлагают прикладные стратегии [Пулатов, 2021; Нургелдиева, 2024; Сукманова, 2022].

Междисциплинарный подход – объединение экологии, права, истории и политологии – позволяет формировать интегрированные стратегии, способные смягчить последствия кризиса и заложить основы устойчивого развития региона.

Генезис Аральской катастрофы. История экологической катастрофы Аральского моря является классическим примером реализации технократической утопии о тотальном подчинении природных систем экономическим и политическим целям без учета емкости и устойчивости экосистем. Истоки кризиса уходят корнями не только в сталинскую эпоху индустриализации, но и в более ранние имперские амбиции по преобразованию засушливых территорий. Однако именно в середине XX в. эти амбиции, подкрепленные централизованным плановым хозяйством и верой в безграничные возможности технического прогресса, обрели роковые масштабы.

Ключевой предпосылкой стало закрепление за Средней Азией роли «хлопковой житницы» СССР. В условиях «холодной войны» и стремления к автаркии в стратегическом сырье производство хлопка-сырца было возведено в ранг задачи государственной безопасности. Это потребовало экспоненциального роста поливных площадей в зоне рискованного земледелия. Водные ресурсы Амударьи и Сырдарьи рассматривались исключительно как средство производства.

Научные предупреждения, указывавшие на неизбежное усыхание моря при масштабном изъятии речного стока, систематически игнорировались. Господствовала парадигма: «Нельзя ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача». Аральское море воспринималось как «ошибка природы», бесполезный испаритель драгоценной пресной воды. Переломным этапом стало принятие в 1950-х гг. постановлений о развитии ирригации. Началось строительство гигантских магистральных каналов, таких как Каракумский, Аму-Бухарский. Их сооружение зачастую велось с грубыми нарушениями инженерных норм: каналы прокладывались без должной облицовки, что приводило к колоссальным потерям воды на инфильтрацию и засоление земель. К 1960 г. площадь орошаемых земель в бассейне достигла 5 млн га, а к 1980 г. – превысила 7,5 млн га. Забор воды из рек увеличился более чем в 2 раза, а сток в море сократился с устойчивых 55–60 куб.

бокилометров (км³) в год до почти нулевых значений в отдельные засушливые годы в 1980-е гг.¹

Динамика кризиса носила нелинейный усугубляющийся характер. По мере снижения уровня моря росла его соленость, что привело к массовой гибели пресноводной флоры и фауны. К концу 1970-х гг. коммерческий вылов рыбы полностью прекратился. Исчезновение акватории начало оказывать влияние на локальный климат, увеличивая континентальность. Однако даже на этом этапе система продолжала работать по инерции, а планы по дальнейшему перебросу стока сибирских рек свидетельствовали о полном неприятии экологических ограничений. Точкой невозврата стали 1980-е гг. В 1986–1987 гг. единый водоем разделился на два изолированных – Малое (Северное) и Большое (Южное) Аральское море². За 30 лет – с 1960 до 1990 г. – орошаемая площадь Центральной Азии выросла в 2 раза – до 7 млн га. Объем моря снизился втрое – с 1083 км³ до 323³.

Обнажившееся дно, покрытое слоем соли, смешанной с пестицидами и гербицидами, превратилось в источник токсичных соле-пылевых бурь. Таким образом, к началу независимости новые государства Центральной Азии унаследовали целый комплекс взаимосвязанных кризисов: экологического, социального, экономического и гуманитарного, укорененных в жесткой системе водораспределения и монокультурной сельскохозяйственной модели.

Национальные стратегии стран Центральной Азии. После 1991 г. приаральские государства столкнулись с необходимостью самостоятельного ответа на кризис, что привело к формированию разнонаправленных, а часто и конфликтующих стратегий, где приоритет однозначно отдавался внут-

ренней стабилизации, а не региональному спасению моря. Этот период можно охарактеризовать как национализацию водно-экологической политики, когда суверенный контроль над ресурсами и решение внутренних социальных проблем превалировали над необходимостью кооперации.

Казахстан. Казахстан, обладающий наименьшим отрезком побережья, сфокусировался на спасении северной, казахстанской части моря, что было наиболее реалистично с гидрологической и политической точек зрения. Ключевым и успешно реализованным проектом стало строительство Кокаральской дамбы (2005) с последующей реконструкцией⁴. Этот сугубо национальный инфраструктурный проект, изначально обсуждавшийся еще в 1990-е гг., был направлен на регулирование стока Сырдарьи в пределах страны для наполнения водоема, получившего название Малое (Северное) Аральское море. Его материальный результат оказался значимым: уровень воды в Малом Арале поднялся, соленость снизилась, что позволило возродить рыбный промысел (уловы достигают 7–8 тыс. т в год) и улучшить локальный микроклимат⁵. Этот успех стал возможен именно потому, что Казахстан действовал в своих границах, минимизируя сложные согласования с соседями. Проект получил финансовую поддержку Всемирного банка, что сделало его примером эффективного сочетания национальной политической воли и международного финансирования для решения конкретной задачи.

Узбекистан. Узбекистан, на территории которого оказалась большая и быстро исчезающая часть Южного Арала, избрал принципиально иную стратегию, признав невозможность восстановления открытого моря в прежних границах. Официальный Ташкент сместил акцент на ликвидацию экологических и социальных последствий в зоне Приаралья, прежде всего, в автономной Республике Каракалпакстан. Были приняты много-

¹ Как исчезло Аральское море и что происходит с ним сегодня. URL: <https://www.zakon.kz/stati/6459441-kak-ischezlo-aralskoe-more-i-chto-proiskhodit-s-nim-segodnya.html> (дата обращения: 15.02.2026).

² Дашковский И.Б. Как пропало Синее море. URL: <https://bio.1sept.ru/article.php?ID=200501704> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Как в СССР загубили Аральское море и зачем хотели повернуть вспять сибирские реки. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/210921/51138> (дата обращения: 15.02.2026).

⁴ Кряжева А. Казахстан открывает вторую фазу проекта по спасению Северного Арала. URL: <https://www.ritmearasia.ru/news-2025-05-31-kazahstan-otkryvaet-vtoruju-fazu-proekta-po-spaseniju-severnogo-arala-80649> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ Там же.

летние государственные программы (например, Государственная программа по развитию региона Приаралья на 2017–2021 гг.¹), направленные на озеленение осушенного дна для закрепления солончаков и борьбы с соле-пылевыми бурями, социально-экономическое развитие региона, модернизацию ирригационных систем для экономии воды. При этом Узбекистан долгое время занимал жесткую позицию по вопросу любых крупных трансграничных гидротехнических проектов в верховьях Сырдарьи и Амударьи (прежде всего, Рогунской и Камбаратинской ГЭС)², видя в них прямую угрозу своему водоснабжению для сельского хозяйства. Эта позиция стала меняться лишь после 2016 г., когда новый политический курс способствовал началу прагматичных переговоров с Таджикистаном и Кыргызстаном по водно-энергетическим вопросам.

Туркменистан. Туркменистан, обладающий выходом к Амударье, но не имеющий непосредственного выхода к морю, еще более дистанцировался от проблемы собственно Арала. Его политика была полностью сосредоточена на гарантированном заборе воды для орошения хлопковых и зерновых плантаций в соответствии с квотами, а также на реализации масштабных национальных проектов. Наиболее показательным является создание рукотворного озера Алтын Асыр (Золотой век) в Каракумах, на которое с 2000-х гг. направляются коллекторно-дренажные воды с полей³. Хотя официально это преподносится как решение экологических проблем, проект критикуется экологами за создание дополнительной нагрузки на водные ресурсы Амударьи и потенциальную угрозу вторичного засоления обширных территорий⁴. Для

Туркменистана водный вопрос остается строго внутренним, а участие в региональных диалогах носит формальный характер.

Кыргызстан и Таджикистан. Верховые страны – Кыргызстан и Таджикистан – изначально рассматривали водные ресурсы не как средство для спасения Арала, а как ключевой источник энергетической независимости и экономического развития. Их интерес к проблеме Арала был минимален и проявлялся лишь в контексте сложных переговоров о сезонных режимах работы водохранилищ (Токтогульского в Кыргызстане, Нурекского и строящегося Рогунского в Таджикистане), где вода выступала товаром для бартера (летняя ирригационная вода в обмен на зимнюю энергию или топливо). Приоритетом стало строительство крупных ГЭС (Камбаратинская ГЭС-1, Рогунская ГЭС), что вызывало сопротивление Узбекистана в прошлом и остается предметом сложных технико-политических дискуссий. Для этих стран вода – это, прежде всего, энергия и валюта, а ее экологическая функция, включая поддержание стока в Арал, является второстепенной.

Таким образом, в первые десятилетия независимости доминировала стратегия, при которой каждая страна защищала свои узкие интересы, часто в ущерб соседям и общей экосистеме. Это создало фундамент для последующего взаимодействия с внешними акторами, которые вынуждены были учитывать эту раздробленность и работать с каждым государством индивидуально, а также для медленного и противоречивого процесса регионального диалога. Национальные стратегии стали первичным фильтром, определяющим, какие международные инициативы получают поддержку, а какие будут отвергнуты.

Региональное сотрудничество. Международный фонд спасения Арала (МФСА)⁵, созданный в 1992 г., стал формальной институциональной рамкой для диалога 5 стран. Однако его реальная эффективность в 1990-е и 2000-е гг. была крайне низкой. Разраба-

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан «О Государственной программе по развитию региона Приаралья на 2017–2021 гг.». URL: <https://lex.uz/ru/docs/3099707> (дата обращения: 15.02.2026).

² Водные конфликты в Центральной Азии URL: <https://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/vodnye-konflikty-v-centralnoj-azii-5167> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Гигантское искусственное озеро появилось в пустыне Каракумы. URL: <https://ria.ru/20090715/177514509.html> (дата обращения: 15.02.2026).

⁴ Садыков М. Туркменистан осуществляет тщательный проект рукотворного озера в советских

традициях. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/60281> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ Исполнительный комитет Международного фонда спасения Арала. URL: <https://ecifas.kz> (дата обращения: 15.02.2026).

тываемые многосторонние Программы бассейновых действий (ПБАМ)¹ сталкивались с хронической проблемой финансирования и, что более важно, с фундаментальным нежеланием стран делегировать какие-либо суверенные права на водопользование национальному органу. МФСА функционировал, скорее, как дискуссионная площадка и канал для привлечения внимания международных доноров, нежели как орган принятия и исполнения обязывающих решений. Ситуация начала меняться лишь в конце 2010-х – начале 2020-х гг., чему способствовали несколько факторов. Смена руководства в Узбекистане в 2016 г. и провозглашенный новый курс на активизацию регионального диалога создали более благоприятную политическую атмосферу. Кроме того, накопленный опыт частичного успеха (стабилизация Малого Арала в Казахстане) показал практическую пользу кооперации в решении конкретных задач. Это позволило перейти к более предметным, хотя и ограниченным, совместным проектам. Наиболее показательным примером стала инициатива по совместному лесоразведению на осушенном дне моря для сдерживания соле-пылевых бурь. Тем не менее масштабы и бюджет такой кооперации по-прежнему не сопоставимы с объемами национальных программ, а ключевые вопросы справедливого распределения водных ресурсов в бассейнах рек остаются не решенными. Региональное сотрудничество эволюционирует от конфронтации к осторожному и выборочному партнерству, но остается вторичным по отношению к национальным приоритетам.

Важным финансовым партнером, особенно для Узбекистана, выступает Исламский банк развития, который кредитует проекты в области питьевого водоснабжения, санитарии и социальной инфраструктуры в Приаралье. Его роль подчеркивает стремление стран региона к диверсификации источников финансирования и поиску партнеров, не выдвигающих политических условий.

¹ Программа действий по оказанию помощи странам бассейна Аральского моря (ПБАМ-4). URL: <https://ecifas.kz/ПБАМ-4%20рус.pdf> (дата обращения: 15.02.2026).

Роль и стратегии внешних акторов.

Вовлеченность международных игроков в проблему Аральского моря никогда не была нейтральной или чисто гуманитарной. Их политика отражает четкие внешнеполитические и экономические интересы, а их инструменты адаптированы для продвижения конкретных моделей управления и развития. Эффективность этой помощи напрямую упиралась в готовность национальных элит принимать предлагаемые условия.

Многосторонние институты.

Система ООН (ПРООН, ЮНЕП, ВОЗ, ФАО). Ее главная роль заключалась в легитимации катастрофы в глобальной повестке. Создание нарратива «крупнейшей антропогенной экологической катастрофы» было необходимым условием для мобилизации средств и политического внимания. Агентства ООН традиционно действуют через пилотные проекты. Например, ПРООН десятилетиями реализует в Каракалпакстане инициативы по устойчивому сельскому хозяйству, водосбережению и развитию сообществ². Однако эти проекты часто носят точечный демонстрационный характер. Их главная слабость – отсутствие устойчивости после завершения внешнего финансирования и слабая интеграция в национальные бюджеты. Результаты редко масштабируются на весь регион, а совокупный объем вложений всех агентств ООН за 30 лет остается разрозненным и непрозрачным.

Всемирный банк – ключевой финансово-технократический игрок, действующий по модели «проектного кредитования». Его вмешательство наиболее эффективно там, где есть четкий национальный запрос на инфраструктуру. Пример успеха – Проект РРССАМ (регулирование русла Сырдарьи)³ с кредитом в 64,5 млн долл. (первая фаза) и

² ПРООН и Правительство открывают доступ к питьевой воде в сельской местности в Каракалпакстане. URL: <https://www.undp.org/ru/uzbekistan/press-releases/proon-i-pravitelstvo-otkryvaet-dostup-k-pitevoy-vode-v-selskoy-mestnosti-v-karakalpakstane> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Проект «регулирование русла реки Сырдарьи и сохранение северной части Аральского моря» РРССАМ. URL: <https://cawater-info.net/syrdarya-knowledge-base/pdf/trssam1.pdf> (дата обращения: 15.02.2026).

126 млн долл. (вторая фаза) для строительства и реконструкции Кокаральской дамбы. Успех обусловлен работой с одним заемщиком (Казахстаном) над конкретной инженерной задачей. Пример проблематичной эффективности – крупные займы на модернизацию ирригации в Узбекистане (сотни миллионов долларов). Несмотря на частичные улучшения, их общее воздействие на бассейновый водный баланс остается ограниченным из-за системных проблем: сохранение государственного контроля над распределением воды, низкие тарифы, коррупция на местах и нежелание фермеров рисковать. Всемирный Банк выступает не просто кредитором, а агентом политико-экономических реформ, увязывая финансирование с требованиями по повышению тарифов, коммерциализации водохозяйственных организаций и сокращению государственного вмешательства.

Государственные акторы.

США. Американская стратегия была нацелена на трансформацию политико-экономического ландшафта региона под предлогом решения экологических проблем. В отличие от Всемирного банка, USAID минимально инвестировал в инфраструктуру, делая ставку на «мягкую силу» и институциональное строительство. Программы вроде «Вода, образование и сотрудничество» (WEC)¹ финансировали создание сети неправительственных организаций, независимых медиа, молодежных и экспертных групп в сфере водных ресурсов. USAID активно поддерживал трансграничные диалоги (например, кыргызско-узбекский), создавая альтернативные, неформальные каналы коммуникации в обход официальных структур. Прямой целью было формирование проамериканского экспертного и гражданского поля, лояльного идеям открытого управления, прозрачности и региональной интеграции по западным лекалам. Это вмешательство воспринималось правящими элитами, особенно в Узбекистане и Туркменистане, как прямая угроза их монополии на власть.

¹ Проект «Вода, образование и сотрудничество». URL: <https://www.carececo.org/main/activity/projects/voda-obrazovanie-i-sotrudnichestvo> (дата обращения: 15.02.2026).

Европейский союз позиционирует себя как нормативный технократ. Его стратегия, реализуемая через Инициативу ЕС по водным ресурсам (EUWI+), направлена на экспорт управленческих стандартов. ЕС финансирует не трубы и дамбы, а процессы: гармонизацию водного законодательства, разработку национальных водных кодексов, внедрение принципов интегрированного управления водными ресурсами, поддержку бассейновых советов. Например, проект «Поддержка диалога по водным ресурсам в Центральной Азии»² получил около 4,5 млн евро. Результат – методологии, законы, тренинги. Эта работа рассчитана на долгосрочную перспективу и ведет к постепенной европеизации управленческой культуры, расширяя нормативное влияние ЕС.

Китай демонстрирует минималистский и оборонительный подход. Его участие в проектах, непосредственно связанных с Аралом, носит символический и политически мотивированный характер: небольшие гранты через ШОС на медицинское оборудование, точечное строительство социальных объектов (насосная станция). Ключевой интерес Китая – защита суверенного права на использование вод трансграничных рек, берущих начало на его территории (Иртыш, Или). Пекин последовательно блокирует любые попытки создания международных режимов регулирования стока этих рек. Поэтому его сдержанность по Аралу – это сигнал о нежелании брать на себя какую-либо ответственность или создавать прецедент для обсуждения «водного долга».

Российская Федерация действует в парадигме «избирательной исторической ответственности». Москва признает свою роль в создании кризиса, но не стремится нести существенные материальные издержки для его решения.

Ее участие сводится к:

1) политической поддержке МФСА как площадки, где Россия сохраняет статус «стратегического партнера»;

² Инициатива «Blue Peace – Центральная Азия» укрепляет сотрудничество по управлению водными ресурсами. URL: <https://www.carececo.org/main/news/initiativa-blue-peace-tsentralnaya-aziya-ukreplyaet-sotrudnichestvo-po-upravleniyu-vodnymi-resursam> (дата обращения: 15.02.2026).

2) символической гуманитарной помощи через МЧС (поставки медикаментов, продуктов);

3) научно-экспертному сотрудничеству.

Россия не финансирует крупную инфраструктуру, но использует тему для поддержания образа ответственной региональной державы и сохранения каналов влияния на постсоветском пространстве.

Системные противоречия помощи: хаотичность и низкая эффективность: Международная помощь страдала от отсутствия координации и дублирования. Проекты USAID, ЕС и ООН в сфере управления водными ресурсами часто конкурировали друг с другом, создавая нагрузку на ограниченный административный ресурс принимающих стран. Многие инициативы, особенно направленные на институциональные реформы, терпели неудачу, так как внешние модели (децентрализация, участие общественности) вступали в противоречие с централизованными, авторитарными политическими системами государств Центральной Азии. Итогом стало фрагментированное лоскутное одеяло из проектов, а не целостная стратегия восстановления бассейна.

Заключение. Аральский кризис прошел путь от локальной экологической проблемы советской эпохи до сложного многоуровневого явления в системе международных отношений. Проведенный анализ позволяет утверждать, что центральным процессом в постсоветский период стала национализация подходов к его решению. Страны Центральной Азии, руководствуясь, в первую очередь, соображениями внутренней стабильности и экономической целесообразности, разработали собственные, зачастую противоречащие друг другу, стратегии адаптации. Эти национальные стратегии, а не абстрактное региональное благо, определили контекст и рамки для всех остальных действий.

Региональное сотрудничество в рамках МФСА, изначально слабое и формальное,

начало проявлять признаки практической эффективности лишь тогда, когда оно стало отвечать конкретным, часто параллельным интересам национальных правительств (как в случае с совместным лесоразведением). Оно не стало двигателем интеграции, а следует за ней, отражая общее улучшение политического климата в регионе. Деятельность внешних акторов, при всей ее финансовой и технической значимости, оказалась вторичным, зависимым фактором. Международные организации и государства-доноры вынужденно следовали логике, заданной внутренней политикой стран региона, поддерживая те проекты и реформы, которые уже были легитимизированы на национальном уровне или отвечали их собственным геополитическим и идеологическим целям.

Следовательно, сформировалась гибридная система управления кризисом, в которой доминируют национальные приоритеты. Ограниченная региональная кооперация служит инструментом для решения тактических задач, а международная помощь является ресурсом, селективно привлекаемым для усиления отдельных направлений. Эта система смогла смягчить наиболее острые социально-экологические последствия и добиться локальных успехов, но не предложила и не могла предложить комплексного решения проблемы, корни которой лежат в противоречии между трансграничным характером экосистемы и суверенным управлением ресурсами. Будущее Приаралья будет по-прежнему зависеть от способности стран Центральной Азии найти баланс между национальными интересами и необходимостью глубокого, доверительного сотрудничества в вопросах общего водного и экологического наследия. Аральский кризис остается не только экологическим предостережением, но и зеркалом сложной политической реальности Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Аватков В.А., Рожкова З.П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 825–834.

Боришполец К.П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и сравнительные возможности ЕВРАЗЭС и ШОС в деле их решения // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 31–37.

Гланц М.Х., Зонн И.С. Аральское море: последствия экологической деградации в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2014. № 2 (2). С. 141–156.

Гулимов А. Особенности международно-правового сотрудничества в сфере экологии и охраны окружающей среды в регионе Аральского моря // Международные отношения. Серия: Политика, экономика, право. 2022. № 5-6. С. 117–127.

Закирова М.Х. Участие Туркестанского отдела русского географического общества в правительственных программах по вопросам водопользования и землеустройства в Туркестанском крае в XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2022. № 2. С. 100–114.

Зиганишина Д. Оценка воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте в бассейне Аральского моря: взаимодействие международного и национального права // Центральноазиатский журнал исследований водных ресурсов. 2018. Т. 4. № 2-2. С. 1–24.

Зонн И.С., Шамсутдинов Н.З. Причины обмеления Аральского моря и перспективы его реставрации. Ч. 2 // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2024. № 2 (49). С. 52–60.

Ильичев А.В., Павлов А.С., Курылев К.П. Водный кризис в Центральной Азии // Казачество. 2021. № 52 (2). С. 119–126.

Матжанов Т.К. Влияние экологического кризиса Аральского моря на современное состояние высших водных растений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8-2 (83). С. 11–16.

Нургелдиева Ю.Х. Инициативы, нацеленные на обеспечение устойчивого развития Аральского региона // Экономика Центральной Азии. 2024. Т. 8. № 2. С. 187–194.

Омарова А. Водная дипломатия Туркменистана: устойчивое развитие и Аральское море // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 12 (141). URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/12/99491> (дата обращения: 11.02.2026).

Пулатов Я.Э. Водные проблемы бассейна Аральского моря и пути их решения // Водные ресурсы, энергетика и экология. 2021. Т. 1. № 1. С. 83–91.

Рузикулова М.Ю. Освоение и орошение земель в центральной Фергане в 50–60 гг. XX в. и их негативные последствия на Аральское море // Известия Ошского технологического университета. 2018. № 3. С. 9–12.

Скрипкин А.С. О некоторых особенностях начала функционирования северного ответвления Великого Шелкового Пути // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 6–14.

Сукманова Т.В. Освещение проблем, связанных с водными ресурсами (на примере Аральского моря) // Проблемы современной науки и инновации. 2022. № 2. С. 53–56.

Таиров А.З. Информационная летопись эволюции Аральского моря // География и водные ресурсы. 2023. № 1. С. 12–23.

REFERENCES

Avatkov V.A., Rozhkova Z.P. Kontseptual'nye osnovy vneshnej politiki Respubliki Uzbekistan na sovremennom etape // Postsovetskie issledovaniya. 2022. № 5 (8). S. 825–834. (In Russ.) [Avatkov V.A., Rozhkova Z.P. Conceptual foundations of the foreign policy of the Republic of Uzbekistan at the present stage // Post-Soviet Studies. 2022. № 5 (8). P. 825–834.]

Borishpolets K.P. Vodno-energeticheskie problemy Tsentral'noj Azii i sravnitel'nye vozmozhnosti EVRAZES i ShOS v dele ikh resheniya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2011). № 2 (17). S. 31–37. (In Russ.) [Borishpolets K.P. Water and energy problems of Central Asia and comparative opportunities of the EurAsEC and SCO in solving them // Vestnik MGIMO-University. 2011). № 2 (17). P. 31–37.]

Glants M.Kh., Zonn I.S. Aral'skoe more: posledstviya ekologicheskoy degradatsii v Tsentral'noj Azii // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2014. № 2 (2). S. 141–156. (In Russ.) [Glants M.Kh., Zonn I.S. The Aral Seas: consequences of ecological degradation in Central Asia // Problems of the Post-Soviet Space. 2014. № 2 (2). P. 141–156.]

Gulimov A. Osobennosti mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva v sfere ekologii i okhrany okruzhayushchej sredy v regione Aral'skogo morya // Mezhdunarodnye otnosheniya. Seriya: Politika, ekonomika, pravo. 2022. № 5-6. S. 117–127. (In Russ.) [Gulimov A. Features of international legal cooperation in the field of ecology and environmental protection in the Aral Sea region // International Relations. Series: Politics, Economics, Law. 2022. № 5-6. P. 117–127.]

Ilyichev A.V., Pavlov A.S., Kurylev K.P. Vodniy krisis v Tsentral'noj Azii // Kazachestvo. 2021. № 52 (2). P. 119–126. (In Russ.) [Ilyichev A.V., Pavlov A.S., Kurylev K.P. Water Crisis in Central Asia // Kazachestvo. 2021. № 52 (2). P. 119–126.]

Matzhanov T.K. Vliyanie ekologicheskogo krizisa Aral'skogo morya na sovremennoe sostoyanie vysshikh vodnykh rastenij // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2023. № 8-2 (83). S. 11–16. (In Russ.) [*Matzhanov T.K.* Influence of the ecological crisis of the Aral Sea on the current state of higher aquatic plants // *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*/ 2023. № 8-2 (83). P. 11–16.]

Nurgeldieva Yu.Kh. Initsiativy, natselennye na obespechenie ustojchivogo razvitiya Aral'skogo regiona // *Ekonomika Tsentral'noj Azii*. 2024. № 8 (2). S. 187–194. (In Russ.) [*Nurgeldieva Yu.Kh.* Initiatives aimed at ensuring sustainable development of the Aral region // *Economy of Central Asia*. 2024. № 8 (2). P. 187–194.]

Omarova A. Vodnaya diplomatiya Turkmenistana: ustojchivoe razvitie i Aral'skoe more // *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 2022. № 12 (141). URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/12/99491> (data obrashheniya: 11.02.2026). (In Russ.) [*Omarova A.* Water diplomacy of Turkmenistan: sustainable development and the Aral Sea // *Modern scientific research and innovation* 2022. № 12 (141). URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/12/99491> (date accessed: 11.02.2026).

Pulatov Ya.E. Vodnye problemy bassejna Aral'skogo morya i puti ikh resheniya // *Vodnye resursy, energetika i ekologiya*. 2021. № 1 (1). S. 83–91. (In Russ.) [*Pulatov Ya.E.* Water problems of the Aral Sea basin and ways to solve them // *Water resources, energy and ecology*. 2021. № 1 (1). P. 83–91.]

Ruzikulova M.Yu. Osvoeniye i orosheniye zemel' v tsentral'noj Fergane v 50–60 godakh XX veka i ikh negativnye posledstviya na Aral'skoe more // *Izvestiya Oshskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2018. № 3. S. 9–12. (In Russ.) [*Ruzikulova M.Yu.* Land development and irrigation in central Fergana in the 1950s–1960s and its negative impact on the Aral Sea // *Bulletin of the Osh Technological University*. 2018. № 3. P. 9–12.]

Skripkin A.S. O nekotorykh osobennostyakh nachala funktsionirovaniya severnogo otvetvleniya Velikogo Shelkovogo Puti // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. № 22 (2). S. 6–14. (In Russ.) [*Skripkin A.S.* On some features of the beginning of the functioning of the northern branch of the Silk Road // *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. 2017. № 22 (2). P. 6–14.]

Sukmanova T.V. Osveshchenie problem, svyazannykh s vodnymi resursami (na primere Aral'skogo morya) // *Problemy sovremennoj nauki i innovatsii*. 2022. № 2. S. 53–56. (In Russ.) [*Sukmanova T.V.* Coverage of problems related to water resources (on the example of the Aral Sea) // *Problems of Modern Science and Innovation*/n 2022. № 2. P. 53–56.]

Tairov A.Z. Informatsionnaya letopis' evolyutsii Aral'skogo morya // *Geografiya i vodnye resursy*. 2023. № 1. S. 12–23. (In Russ.) [*Tairov A.Z.* Information chronicle of the evolution of the Aral Sea // *Geography and Water Resources*. 2023. № 1. P. 12–23.]

Zakirova M.Kh. Uchastie Turkestanskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva v pravitel'stvennykh programmakh po voprosam vodopol'zovaniya i zemleustrojstva v Turkestanskom krae v XIX–XX vv. // *Vestnik RGGU. Seriya: Evrazijskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. № 2. S. 100–114. (In Russ.) [*Zakirova M.Kh.* Participation of the Turkestan Department of the Russian Geographical Society in government programs on water use and land management in the Turkestan region in the 19th–20th centuries // *Bulletin of the RSUH. Series: Eurasian studies. Series: History. Political science. International relations*. 2022. № 2. P. 100–114.]

Ziganshina D. Otsenka vozdeystviya na okruzhayushchuyu sredu v transgranichnom kontekste v bassejne Aral'skogo morya: vzaimodeystvie mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava // *Tsentral'noazijskiy zhurnal issledovaniy vodnykh resursov*. 2018. № 2-2. S. 1–24. (In Russ.) [*Ziganshina D.* Environmental impact assessment in a transboundary context in the Aral Sea basin: interaction of international and national law // *Central Asian Journal of Water Resources Research*. 2018. № 2-2. P. 1–24.]

Zonn I.S., Shamsutdinov N.Z. Prichiny obmeleniye Aral'skogo morya i perspektivy ego restavratsii. Ch. 2 // *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*. 2024. № 2 (49). S. 52–60. (In Russ.) [*Zonn I.S., Shamsutdinov N.Z.* Cause of the Aral Sea shallowing and prospects for its restoration. Part 2 // *Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1: Economy and Management*. 2024. № 2 (49). P. 52–60.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курьев Константин Петрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).
E-mail: kurylev-kp@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin P. Kurylev, doctor of historical sciences, head of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).
E-mail: kurylev-kp@rudn.ru